

— Дорогуша, ты чего это вдруг? — беззаботно спросил Ду Чуанбо.

Ду Чуанбо шел через весь передний зал и видел, как слуги прибираются: ни один стол или стул не уцелел, а в углу темнели пятна крови. В тот момент у Ду Чуанбо возникло непреодолимое желание прикончить Шэнь Жояня. Войдя в комнату и обнаружив, что оба обошлись без серьезных травм, он наконец успокоился. Однако это вовсе не означало, что он собирался спустить всё Шэнь Жояню: раз тот посмел явиться сюда смуту наводить, пусть теперь платит по счетам.

Су Сюло кивнула, окинула взглядом Ду Ваню Ю и произнесла:

— Он приперся из-за дома в Тэнцинской обители да еще притащил с собой свору злобных псов. Если бы не один герой, что заступился за нас, нам с Ваню Ю точно не миновать бы беды.

Заметив, что одежда Су Сюло сплошь покрыта пылью, а подол надорван длинным клоком, Ду Чуанбо ощутил, как в его глазах мелькнул ледяной блеск. Повернувшись к Ли Кэ, он бросил:

— Присмотри за здесь всем. Я сгоняю к переднему входу и сразу вернусь.

Стоило ему уйти, как Ли Кэ тут же набросился с расспросами:

— Что за герой? Неужто такой сильный?

Су Сюло принялась живо описывать и жестикулировать:

— Высокий, крепкий, весь в черном, держался так гордо и независимо! Всего в несколько приемов отделал Шэнь Жояня так, что тот голосил на все лады, маменьку с папенькой звал. А еще грозился запереть Шэнь Жояня в каком-то там... управлении. Шэнь Жоянь тогда едва в штаны от страха не наложил!

Ду Ваню Ю уточнила:

— В Уанском управлении.

Су Сюло яростно закивала:

— Точно-точно, в Уанском управлении! Звучит жутко грозно.

Ли Кэ мысленно хмыкнул: разве Уанское управление подчиняется не Линь Таньцзуну? Но Линь Таньцзун — ученый муж, а если за всю жизнь и брался за меч или копье, так лишь в тот раз, когда вламывался в дом Шэнь Жояня. По части боевых искусств ему Шэнь Жояня ни за что не одолеть. Так что этот герой уж точно не Линь Таньцзун. К тому же, судя по описанию, до чего же он смахивает на старшего братца?

Ли Кэ поинтересовался:

— А имени этого героя вы не знаете?

Су Сюло никак не могла вспомнить и выдала смутно:

— Имени не запомнила, но фамилия у него точно такая же, как у тебя.

Ду Ваню Ю тщательно порылась в памяти и произнесла:

— Ли Цинь. Если я не ошибаюсь, его зовут Ли Цинь.

Ли Кэ остолбенел. Да ведь это же его собственный старший братец! Какая невероятная встреча!

Услышав от Ли Кэ, что их сегодняшний спаситель — его родной брат, Ду Ваню Ю и Су Сюло принялись наперебой упрашивать Ли Кэ устроить им с Ли Цинем совместный обед. Загнанный в угол их уговорами, Ли Кэ был вынужден сдаться и пообещать, что расспросит брата о свободном времени и о том, соизволит ли тот прийти.

Су Сюло с улыбкой добавила:

— Обязательно позови своего братца, дадим ему как следует выпить. У Ду Чуанбо припасено отменное османтусовое вино, до чего же душистое!

Ли Кэ покачал головой:

— Тут еще придется спросить согласия второго господина Ду. Он над своим вином трясется пуще глаза своего...

Внезапно все трое переглянулись: если Ду Чуанбо ушел к переднему входу, он уже давно должен был вернуться.

Ду Ваню Ю задумчиво протянула:

— Вы не находите странным, что Ду Эр так долго не возвращается? Может, он отправился куда-то еще?

Ли Кэ уже шагнул за порог:

— До усадьбы Шэнь тут приличное расстояние. Если я побегу прямо сейчас, то, пожалуй, успею его догнать.

Одно дело, если бы Ли Кэ пустился в погоню сразу после ухода Ду Чуанбо — тогда он, поднатужившись, смог бы его настичь. Но поскольку Ду Чуанбо ушел уже довольно давно, Ли Кэ беги не беги, а догнать его не смог бы при всем желании.

Шэнь Жояню только что закончили накладывать мази. Он крушил всё вокруг в своей комнате и покрывал всех отборной матерщиной. Брызгая слюной, он орал, что непременно сживет со свету Ду Ваню Ю, которая отняла у него дом, а рано или поздно заставит и недотрогу из Целительского сердца пресмыкаться перед ним. Слуги дрожали на коленях у его кровати, и тяжелая плеть в его руке раз за разом со свистом обрушивалась на их спины.

Направляясь к усадьбе Шэнь, Ду Чуанбо применил легкие шаги и добрался до двора Шэнь Жояня практически мгновенно. Толкнув дверь его комнаты, он как раз застал те самые слова, которые во всех подробностях достигли его слуха.

Вырвав плеть из рук ублюдка, Ду Чуанбо одним резким движением вывихнул Шэнь Жояню запястье. Тот дико взвизгнул, а слуги в комнате с визгом бросились вон.

Теперь, когда посторонних не осталось, Ду Чуанбо мог не опасаться задеть кого-то лишнего и с размаху врезал ногой прямо по ребрам Шэнь Жояня.

— Твой язык: мелет всякую грязь да орет благим матом, — с хрустом произнес Ду Чуанбо и тут же выбил Шэнь Жояню челюсть.

Удары Ду Чуанбо наносил с поистине мастерским расчетом: слышался лишь зловещий трескающийся хруст костей, но при этом ни единой капли крови не проступало.

Шэнь Жоянь чувствовал всю боль от вывихнутых суставов и раздробленных костей, слезы из его глаз лились ручьем, однако издать хоть звука он не мог. И дело было не только в вывихнутой челюсти — Ду Чуанбо вдобавок вцепился ему в горло и, приподняв над полом, впечатал в стену.

Лицо Шэнь Жояня посинело, из приоткрытого рта неконтролируемо потекла слюна. Брезгливо разжав пальцы, Ду Чуанбо отпустил его шею, но прежде чем тот успел сделать глоток воздуха, швырнул его пинком за порог.

Стоявшая во дворе со снаряжением челядь не смела и шагу стукнуть, чтобы помочь распростертому на земле Шэнь Жояню.

Подоспевший к тому моменту Ли Кэ увидел, что Ду Чуанбо как раз ведет расправу в самом разгаре, и принялся невозмутимо наблюдать со стороны, как лупят Шэнь Жояня.

Убедившись, что всё кончено, Ли Кэ подбежал к Ду Чуанбо, а тот, завидев его, тут же предупредил:

— Посмеешь хоть словом обмолвиться об этом Сюло с Ваню Ю — прибью на месте.

Ли Кэ закивал с такой силой, что чуть не остался без головы, и накрепко зажал рот. Ду Чуанбо же счел лишней даже долю секунды на то, чтобы взглянуть на Шэнь Жояня. Ему было глубоко

плевать, жив тот или мертв, и, ухватив Ли Кэ за шиворот, он потащил его прочь.

Вскоре после их ухода во дворе появился пылающий праведным гневом Шэнь Гофэн. Войдя во двор и увидев, в каком состоянии находится его собственный сын, он рухнул как подкошенный.

— Как это — Ду Чуанбо избил Шэнь Жояня?! — услышав столь ошеломляющую новость, Тун Яньчжи покатился со смеху.

С чего это молодой господин Тун веселится так заливисто? Сун Ци с беспомощным вздохом покосился на него и пояснил:

— После того как статский советник Шэнь упал в обморок, его госпожа тут же помчалась во дворец искать благородную супругу Сянь. Но к той ее не пустили, так как вдовствующая императрица посадила супругу под домашний арест. Сама же идти к вдовствующей императрице и к государю она не посмела, поэтому вернулась и привлекла двоих чиновников, что водили дружбу с Шэнь Гофэном, чтобы завтра на утреннем докладе подать петицию с требованием покарать господина Ду.

Тун Яньчжи цыкнул языком:

— Да Ду Чуанбо лупил Шэнь Жояня око за око! Чего им там вообще докладывать, бесстыдники проклятые.

Сун Ци был полностью согласен с Тун Яньчжи, однако методы Ду Чуанбо и впрямь подняли слишком много шума.

— Шэнь Гофэн — статский советник, а Ду Чуанбо довел его до сердечного приступа, — покачал головой Сун Ци. — Двор не сможет оставить это без внимания.

Тун Яньчжи призадумался и протянул:

— Погодите-ка, Шэнь Гофэн всегда отличался отменным здоровьем. Еще совсем недавно у него хватало сил и прыти, чтобы взять себе наложницу. С чего бы ему так легко свалиться от недуга?

Сун Ци перевел взгляд с Тун Яньчжи на Янь Хэня, явно чувствуя неловкость.

Тун Яньчжи поторопил его:

— Что за манера у этого ребенка — мяться по пустякам? Есть что сказать — выкладывай!

Сун Ци оставалось лишь покраснев до ушей доложить:

— Перед тем как явиться во двор к Шэнь Жояню, Шэнь Гофэн застал свою новоиспеченную наложницу в покоях с... с ее прежним любовником.

Новой наложнице едва стукнуло двадцать, лицом она уродилась на редкость хорошенькой и так одурманила Шэнь Гофэна, что тот во что бы то ни стало пожелал ввести ее в дом. Законная супруга Шэнь давно уже люто ненавидела девку и мечтала исполосовать ей лицо ножом.

Застулав их на месте преступления, госпожа Шэнь велела слугам содрать с обоих одежду и всыпать каждому по двадцать палок, да еще и созвала всю челядь семьи Шэнь глазеть на это во дворе. Подобное зрелище довело Шэнь Гофэна до исступления и невыносимого стыда: он тут же схватил меч, зарезал обоих на месте, а затем отвесил звонкую пощечину самой госпоже Шэнь. Ну а когда он припелся к сыну и узрел того полуживого, кровь разом ударила ему в голову, в глазах потеммело, и он грохнулся без чувств.

Тун Яньчжи слушал со всеми признаками крайнего наслаждения, а выслушав, вынес вердикт:

— Ну тогда Ду Чуанбо теперь не поздоровится. Семейка Шэнь просто так этого не спустит.

Янь Хэнь захлопнул лежавшую перед ним книгу, и в его голосе прозвучал холод:

— Ты уверен, что именно Шэнь Жоянь вырубил человека?

Сун Ци торопливо принял серьезный вид:

— Подчиненный не смеет лгать. Шэнь Жоянь действительно нанес удар господину Ду, но молодой господин потерял сознание уже после того, как тот ушел.

Тун Яньчжи склонил голову набок и капризным движением откинул прядь со лба:

— Похоже, теперь неприятности светят семейке Шэнь!

Доклад

И впрямь, на следующее утро во время утреннего доклада чиновники во главе с князем Цинго сначала обрушились на Ду Чуанбо с обвинениями в легкомыслии и порочном нраве, затем припомнили ему буйный нрав и пренебрежение ко всем вокруг, а в завершение слезно умоляли государя примерно наказать Ду Чуанбо — желательно по всей строгости закона, приговорив к обезглавливанию осенью.

Пока они витийствовали в зале Чансинь с пеной у рта, сам Ду Чуанбо оставался абсолютно невозмутим. Лишь когда они наконец высказались, он произнес:

— Этот подданный поддерживает предложение.

Стоило этим словам прозвучать, как князь Цинго и его приспешники сперва опешили, а затем возликовали.

Они-то рассчитывали, что Ду Чуанбо станет защищаться, и заблаговременно подготовили

длинные речи для ответа, но раз он сам признал вину, это избавляло их от необходимости препираться с ним.

Государь восседал на драконьем троне с прямой осанкой. Его лицо скрывала маска, однако взгляд спокойных глаз обладал силой проникать прямо в душу. Тонкие губы государя чуть сжались, подбородок напрягся, а затем уголки рта приподнялись, и по просторному залу разнесся низкий, полный магнетизма голос:

— Раз уж министр Ду столь охотно признает вину, мне становится весьма любопытно: за что же именно министр Ду избил сына статского советника Шэня?

Князь Цинго поспешил ответить первым:

— Ваше Величество! Да за то, что тот без всякой причины чинил бесчинства и, уповая на великодушие государя, творил всё, что заблагорассудится!

Ду Чуанбо уставился на то, как у князя Цинго при каждом слове подрагивает борода, и в нем шевельнулось непреодолимое желание выдрать эту бороду и затолкать обидчику в рот.

Спрятав руку в рукаве и поигрывая нефритовой подвеской, государь небрежно бросил:

— Я вообще-то спрашивал министра Ду. Зачем же князю Цинго отвечать за него?

Князь Цинго подавился воздухом. Легковесные слова государя вроде бы слетели с языка невзначай, но на деле отчитывали его за неуместную болтовню.

Ду Чуанбо ответил с полнейшей невозмутимостью:

— Отвечаю Вашему Величеству: всё дело в том, что он избил моего двоюродного брата, и я в порыве гнева отплатил ему тем же. По природе своей я таков, что за зло плачу сполна, однако меру в ударах знаю и никакой угрозы чьей-либо жизни нанести не мог. Если князь и впрямь намерен допытываться до правды, я готов сложить с себя полномочия в Палате ученых.

Последние слова Ду Чуанбо заставили лица людей князя Цинго перемениться. Смысл сказанного сводился к следующему: да, человека побил я, но насмерть не забивал; если хотите докопаться до сути — можете даже лишить меня должности, я не против, но я всего лишь отомстил за кузена. С чего это вы бросились вменять мне вину? Уж не потому ли, что вы со статским советником Шэнем такие закадычные друзья?

Окинув взглядом свиту князя Цинго, государь поинтересовался:

— Раз уж вы так жаждете, чтобы я покарал министра Ду, должно быть, вам прекрасно известно, из-за чего подрались двоюродный брат министра Ду и сын статского советника Шэня?

Сподвижники князя Цинго не смели отвечать сгоряча. Супруга Шэнь передала лишь то, что Ду

Чуанбо избил Шэнь Жояня и свел статского советника в могилу... то есть довел до обморока. Для них это выглядело удобным поводом свалить Ду Чуанбо, времени на разбирательства не оставалось, и в детали они вовсе не вникали.

— Этот подданный не ведает подробностей. Быть может, министр Ду соизволит просветить нас? — с этими словами князь Цинго перекинул мяч обратно на сторону Ду Чуанбо.

В душе государь насмешливо фыркнул: старый лис! Скажи Ду Чуанбо что-то невыгодное для семейства Шэнь — князь Цинго завопит о клевете. Допусти Ду Чуанбо хоть малейшую неточность — князь Цинго тут же ухватится за оплошность. Как ни поверни, любое слово Ду Чуанбо обернут против него.

Все эти махинации князя Цинго Ду Чуанбо видел насквозь: надеяться с помощью столь жалких трюков поставить его в тупик — чистой воды безумие.

Без тени робости Ду Чуанбо произнес:

— Этот подданный тоже не в курсе всех подробностей. Увидев, что моего кузена избили до беспамятства, а молодой господин Шэнь преспокойно вернулся домой, я вполне закономерно счел, что пострадал именно мой брат.

Но князь Цинго продолжал гнуть свое:

— А до меня доходили слухи, что молодой господин Шэнь уходил избитым! Министру Ду не следует покрывать кузена и вводить Ваше Величество в заблуждение!

— Князь Цинго заблуждается! — из рядов чиновников внезапно выступил человек с пылающим взором и зчным голосом.

Государь слегка приподнял бровь: похоже, Ли Гу пронюхал о том, что вчера Ли Цинь приложил Шэнь Жояня.

Сам Ли Цинь распространяться об этом не стал бы, но стоило Ду Чуанбо лишь намекнуть, как Ли Кэ выложил всё отцу. Услышав, что в историю вляпался его собственный сын, Ли Гу решил влезть в это дело, даже если бы земля разверзлась под ногами.

Ду Чуанбо слегка удивился, но прежде чем он успел поразмыслить над этим, Ли Гу уже продолжал:

— Ваше Величество! Покидая нынче дом, этот подданный услышал кое-какие толки, которым сперва не придавал значения. Но теперь подумалось: а вдруг они связаны с тем спором, что ведут князь Цинго и министр Ду?

Его появление заставило князя Цинго мысленно выругаться: кто же не знает, что Ли Гу — упрямый баран, чей норовий характер таков, что он и городителя ни во что не ставит. Какая

муха его укусила соваться в это дело?

Государь подал голос:

— О... излагай подробнее, министр.

Искоса взглянув на позеленевшего, словно редька, князя Цинго, Ли Гу заговорил:

— Сегодня этот подданный проезжал мимо одной лавки лекарств и заметил, что та разгромлена в щепки. Поинтересовавшись подробностями, я узнал, что вчера некий молодой господин со слугами устроили там погром, да вдобавок угрожали фальшивой закладной, требуя отдать им здание. Услышав такое, я возмутился: как смеет кто-либо вести себя столь нагло? Я уж было собирался схлопотать смутьяна и отправить в Стражникову управу для сурового воспитания, да люди из лавки сказали, что негодяя уже прогнали, так что я решил пока пощадить его. И надо же такому случиться — мне случайно донесли, что лавка эта принадлежит двоюродному брату министра Ду. Сложив это с только что сказанным князем Цинго, этот подданный осмелится предположить: а не был ли тем дебоширом с фальшивой закладной как раз-таки сынок статского советника Шэня?

Закончив речь, Ли Гу вновь глянул на лица свиты князя Цинго: сине-зеленый оттенок с примесью мертвенной бледности делал их краше любой садовой капусты.

Среди чиновников поднялся гул. Если устраивавшим погром владельцем поддельной закладной и впрямь являлся Шэнь Жоянь, значит, он нарушил законы Великой Ся, а князь Цинго и его приспешники автоматически попадали под подозрение в укрывательстве преступника.

Князь Цинго занервничал, но быстро взял себя в руки:

— Глава павильона Ли опирается лишь на сплетни! Бездоказательно, основываясь на одних лишь домыслах, утверждать, что это был сын семейства Шэнь — боюсь, это непозволительно!

Государь чуть приподнял левую руку, правой поправляя манжету, и произнес:

— Я тоже считаю домыслы министра Ли излишне поспешными.

Стоило словам затихнуть, как Линь Таньцзун шагнул вперед:

— Ваше Величество, у этого подданного есть дело для доклада.

Государь дозволил:

— Говори.

Из широкого рукава парадного облачения Линь Таньцзун извлек свиток, развернул его и громогласно зачел:

— Год Сюаньхэ, четвертый год, седьмое число седьмого месяца. Женщина по фамилии Чэнь явилась к барабану Уанского управления с жалобой на несправедливость, заявив, что ее сын был изрублен мечом, а тело выброшено на Склон Потерянных Душ. Судмедэксперт установил, что орудием убийства послужило оружие клинкового типа.

Свернув свиток, Линь Таньцзун продолжил:

— Ваше Величество, это дело поступило вчера. Когда я прибыл на Склон Потерянных Душ для расследования, то обнаружил, что на месте сброса тела Чэнь Цина находилась еще и обнаженная женщина. Каково же было мое удивление, когда ею оказалась новоиспеченная наложница статского советника Шэня! Женщина по фамилии Чэнь сообщила, что вчера любовная связь наложницы со старым любовником была раскрыта, статский советник в гневе предал смерти обоих и наспех избавился от тел. А следом поползли слухи о том, как министр Ду вламывался в особняк Шэня и довел статского советника до обморока.

Теперь каждый в зале знал, что статский советник Шэнь покрыт позором измены со стороны собственной наложницы. Убивал он их сам или нет, но рога ему уже наставили.

Некоторые чиновники принялись перешучиваться меж собой, не сдерживая смешков.

Ду Чуанбо мысленно изумился: Линь Таньцзун всегда придерживался золотой середины, с чего это он вдруг решил ввязаться и помочь ему?

Улики

Государь взмахнул рукой, и чиновники мгновенно умолкли.

— То, о чем говорит уважаемый министр, — чем-то подкреплено? — спросил государь.

Линь Таньцзун с видом крайней затрудненности произнес:

— Этот подданный еще не завершил расследование и не решается выносить окончательный приговор. Вчера при попытке нанести визит в усадьбу Шэнь госпожа Шэнь велела выставить меня за дверь. Все-таки статский советник Шэнь — человек почтенный и высокодобродетельный, поэтому я не смел действовать напролом. Однако мне удалось выяснить, что наложница статского советника происходила из увеселительного заведения, а значит, статский советник подозревается в неподобающих связях с куртизанками.

Князь Цинго подпрыгнул на месте:

— Чушь! С чего бы статскому советнику брать в жены девку из борделя? Есть ли у тебя доказательства? Нет доказательств — значит, это чистой воды клевета! Линь Таньцзун, ты вечно враждовал со статским советником, кто поручится, что ты не сфабриковал всё это нарочно!

Линь Таньцзун строго возразил:

— Князю Цинго следует следить за языком! Данное дело официально зарегистрировано в архивах Уанского управления, и каждый чиновник ведомства может подтвердить это. Разве может чиновник моего уровня заниматься подделками? К тому же брачный контракт наложницы статского советника покоится в моем рукаве. Быть может, огласить его здесь, дабы вернуть статскому советнику честное имя?

Внешне обращаясь к государю, Ду Чуанбо бросил на свиту князя Цинго насмешливый взгляд:

— Ваше Величество, когда я вошел во двор к Шэнь Жояню, самого статского советника там не было. Теперь, услышав слова главы Линя, я наконец понял: оказывается, статский советник был попросту занят семейными делами.

На словах «семейными делами» он нарочито протянул окончание.

Ли Гу вовремя подхватил:

— Ваше Величество, раз супруга Шэнь не пускала никого в особняк, невольно закрадывается подозрение: а не боялась ли она, что глава Линь раскопает что-то лишнее? Самовольное убийство людей государственным чиновником — преступление смертное, а хворь статского советника приключилась уж очень вовремя!

Подразумевалось следующее: болячку-то статский советник разыграл мастерски.

Князь Цинго уже дошел до того, что трясся от злости и вращал глазами. До чего же у семейства Шэнь вечно полно грязных историй! Мало того что всплыло открытое мошенничество Шэнь Жояня с фальшивой закладной, так теперь наружу вылезли и позорные тайны дома Гофэна, и дело об убийстве. Нужно быть полным дураком, чтобы из-за семейки Шэнь сорваться на донос против Ду Чуанбо!

Князь Цинго со своей кликой оказались в положении тех, кто оседлал тигра и не может слезть — оставалось лишь упираться до последнего. Кто-то из его сторонников выкрикнул:

— Ваше Величество, в конце концов, всё это лишь слухи! Изначально мы собирались вести речь о том, как министр Ду вламывался в особняк и избивал людей — а вот этот факт несомненен!

Ли Гу искоса глянул на крикуна: не тот ли это надзиратель из Палаты церемоний, который некоторое время назад сболтнул лишнего и за это отхватил от него знатных тумаков, причем тогда Ду Чуанбо случайно зацепил его ударом, пытаясь их разнять. Его собственный балбес-сын целыми днями околачивался с Ду Чуанбо и в результате стал куда послушнее, так что оказать услугу Ду Чуанбо сегодня — считай, вернуть тот случайный удар.

Громко возгласил Ли Гу:

— Ваше Величество! По мнению этого подданного, дело было так: молодой господин Шэнь

избил двоюродного брата министра Ду, а министр Ду заступился за брата и всыпал обидчику. И в этом министр Ду, безусловно, неправ: государственным чиновникам не подобает распускать руки, так что наказания он, бесспорно, заслуживает.

Приспешники князя Цинго тут же поддакнули:

— Этот подданный поддерживает!

Сверкнув суровым взглядом, Ли Гу добавил:

— Но на то были причины. Не устрой беспорядков сын статского советника, министр Ду не стал бы распускать кулаки. Поимка статским советником любовников и избиевание обидчика министром Ду не совпали бы по времени, и статский советник, глядишь, не свалился бы в обморок. Коль уж князь Цинго жаждет истины, стоит лишь отправить людей на проверку — всё и выяснится. Этот подданный лично заставил слуг из лавки лекарств дать показания и поставить отпечатки пальцев, прошу Ваше Величество ознакомиться.

Ли Гу прямо посреди тронного зала пригвоздил обвинение в измене наложницы Шэнь Гофэна и вытащил признания людей Сяо Лу, передав их через евнуха государю.

Линь Таньцзун также извлек предмет, завернутый в шелковый отрез, и вместе с брачным контрактом передал евнуху Хуа Няню:

— Докладываю Вашему Величеству: судмедэксперт подтвердил, что орудием убийства послужил именно этот меч Цинъюнь, пожалованный покойным императором.

Сквозь шелк проступали бурые следы крови, да и по длине клинок точь-в-точь походил на реликвию прежнего правителя.

Ду Чуанбо поскреб указательным пальцем нос, как вдруг надзиратель Земельного приказа Лу опустил на колени и, воздев руки с зажатым в них предметом над головой, произнес:

— Докладываю Вашему Величеству: в моих руках две закладные — одна подлинная, другая поддельная. И фальшивая действительно изготовлена Шэнь Жоянем.

Князь Цинго и его приспешники ломали головы, пытаясь найти контраргумент, но надзиратель Лу неторопливо продолжил:

— На поддельной закладной стоит личная печать Шэнь Жояня, подделать которую я был не в силах. Прошу Ваше Величество взглянуть самому.

Этот довод напрочь лишил князя Цинго дара речи, и он лишь вытаращил глаза, наблюдая, как Хуа Нянь передает улики наверх.

Бегло просмотрев бумаги, государь произнес глуховатым голосом:

— До чего же велик дерзновенный умысел Шэнь Гофэна!

Придворные чиновники дружно рухнули на колени, а лица людей князя Цинго побелели так, что они были готовы вырвать собственные языки.

Поднявшись со своего места, государь произнес:

— Объявить указ: за попрание основ государства Шэнь Гофэн лишается жалованья за один год и разжалывается в министры ведомства Придворных колесниц. Его сын Шэнь Жоянь, зная закон, совершил преступление — отправить его под стражу в Стражникову управу сроком на один месяц. Ду Чуанбо лишить жалованья за три месяца и понизить в должности до управляющего в Палате словесности.

Хотя на словах князь Цинго славил мудрость государя, в душе он был готов покончить с собой. Хоть формально Ду Чуанбо и понизили в ранге, но кто же не знает, что Палата словесности находится под началом первого министра Фу? А поскольку первый министр Фу сейчас находится с инспекцией в Цинхае, неужто государь перевел Ду Чуанбо туда лишь для того, чтобы в дальнейшем тот служил противовесом влиянию Фу?

Если же взглянуть на Шэнь Гофэна, то его падение с первого ранга до третьего — и это при том, что он теперь уступал в чине даже тому надзирателю, которого отколошматил Ли Гу — выглядело удивительно мягким наказанием, учитывая тяжесть всех его прегрешений. Мысли императора оставались непостижимы, и сановники, снедаемые тревожным трепетом, гадали, какая участь уготована им самим.

Выпрямившись во весь рост, государь в каждом движении своим источал неземное величие, от которого веяло презрением ко всему суемудному миру:

— Быть слугой государя — значит хранить верность своему повелителю и любить народ. Неужто мне лично придется учить вас тому, как подобает вершить службу?

Сотни чиновников в едином порыве завопили:

— Гнев Вашего Величества справедлив, подданные трепещут!

<http://bllate.org/book/21032/2138859>